ГУБЕР

ПАМЯТНАЯ КНИГА

18+

Владислав Олегович Тупицын

Памятная книга Губер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74683266
Памятная книга Губер: Москва; 2026
ISBN 978-5-4491-3315-1

Аннотация

Произведения из книги позволят читателю прикоснуться к внутреннему миру эмоционально-чувственного человека, способного сотворить роман в стихах в стилистике поэтов Золотого века, рассказы с элементами патриотизма или лёгкого художественного вымысла, стихотворения на глубокие философские темы или о бытовых взаимоотношениях между людьми.

Содержание

Биография 5
Роман в стихах 9
Период юности моей 9
I 10
II 16
III 21
IV 24
V 32
VI 41
Письмо Сергея 45
VII 47
VIII 52
IX 69
X 85
Новое письмо Сергея 86
Проза 104
Удивительный тульский расписной самовар 104
Путь Петрова 108
Я слышал, в Японии жил один самурай… 111
Пересмешники 116
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Владислав Тупицын
Памятная книга Губер

Иллюстрации Владислава Тупицына

© В. Тупицын, текст, 2026
© В. Тупицын, иллюстрации, 2026

Биография

Тупицын Владислав Олегович

(позывной «Губер»)

29.09.2000–30.06.2025

Владислав родился и вырос в Новосибирске. Отец с семьёй проводил мало времени, воспитанием сына в большей степени занималась мама, а также крёстная и её семья. С первой книгой познакомился, когда ему был примерно месяц, читал много и с детства это дело любил, в 2 года говорил уже чётко и внятно, предложениями. Был коммуникабельным и добрым ребёнком, увлекался футболом (часто попадал в травмпункт), любил животных (тяжело пережил в свои 20 лет смерть кошки Симы, которую семья приютила с малых лет).

В 7 лет пошёл учиться играть на флейте – его осознанный выбор, захотел сам, но через несколько лет бросил (отсутствовало тяготение к теории, и сольфеджио являлось реша-

ющим). В 14 лет родители развелись, Влад остался с мамой. Позже сам научился играть на гитаре и в 10 классе, поступив в музыкальную школу на фортепиано, закончил её. В 2016 завёл собаку, полностью сам занимался уходом и воспитанием, научил Ричарда многим командам (собака жива по сегодняшний день).

Затем поступил в Новосибирский музыкальный колледж имени А.Ф. Мурова (как ни странно, на теоретика), но не закончил и взял академ – уехал на Донбасс волонтёром (на войну его сначала не брали, так как имел группу «Б» по военному билету: астматик с детства). Там он и познакомился с нужными людьми, нашёл выходы и подписал свой первый контракт, потом был второй, а третий оказался фатальным – продлился ровно девять дней.

Влад увлекался историей, изучил множество научных трудов, читал и классическую литературу – один из любимых писателей А.П. Чехов, – слушал классическую музыку и писал сам. Ему нравилась Азия и её культура, даже хотел переехать в Корею (восхищался корейской кухней). До военной службы по контракту занимался репетиторством по музыке, часто посещал филармонию, театры (в которых бывал с двухлетнего возраста). Охотно путешествовал, побывал в странах: Болгария, Турция, Тайланд, Вьетнам. С мальства пользовался популярностью у женского пола (мама в шутку говорила: «Дамский угодник»).

В 2024 году на свадьбу мамы в Крыму приехал тайком,

чтобы сделать приятный сюрприз. В период отдыха решил подняться в горы в районе п. Утёс, наверх поднялся, а слезть не смог, МЧС его спускали.

В последние годы состоял в политической партии. Зимой 2025 года он съездил в Новосибирск, всех близких повидал, всем женщинам (родным) подарил цветы. Попрощался, будто предчувствуя свой скорый уход…

9 декабря 2025 г. в Новосибирске в «СОШ № 158» открыли торжественным митингом мемориальную доску, все его вспоминали только добрыми словами, хоть иногда и попадал в нелепые ситуации.

В п. Знаменский, Краснодарского края, его имя увековечено на мемориальной плите, а также на стенде размещена фотография.

Похоронен на новом городском военном кладбище х. Копанской, Краснодарский край.

Владислав награждён «Орденом Мужества» (посмертно).

Мама:

«Когда мне передали его вещи, то среди них было много книг. Что же взять на войну?.. Книги».

Умняев Сергей:

«Вот ты был и вот погиб.
Ты был солдат, вот как так влип?..
Стихи писал ты лучше всех,
И на гражданке ждал успех.
Но выбрал ты судьбу другую –

Сложную и непростую.
Теплилась надежда, что это был не ты,
Но все надежды были стёрты.
Теперь могу тебя как воина величать
И в памяти моменты светлые держать».

Учительница:

«Он не просто был моим учеником, а частью школьной семьи… светлый, улыбчивый человек, всегда чем-то интересовался и любил поговорить…»

Одноклассник:

«…для меня он был в хорошем смысле слова человеком противоречивым. "Быть первым там, где никто не ожидает от тебя" – так понимаю, было его постулатом…»

Редактор:

«Искренне удивлён тому, насколько умело у Владислава получилось проявить себя в поэзии и прозе. Если бы он серьёзно занялся творчеством, то мог стать одним из популярных поэтов или писателей России в XXI веке».

Роман в стихах

Период юности моей

Он чувств надеждою не мерил,
В отказе смысла не искал,
Себя презрев, себе сказал:
«Не будет суть моя отныне
Тебе совсем принадлежать,
Я всё сказал, что мог сказать».

Санкт-Петербург, апрель 1844 года

I

Как сладостна весна порою
В том граде, что омыт Невою,
Где средь гранитов и мостов
В садах, зацветших раньше срока,
Ведёшь ты барышень, особ.

Но полно нам, начнём с начала.
Ещё беды не предвещала
Неотвратимая судьба,
И в Петербурге распустилась
В своей роскошности весна.
Апрель недели не отмерил,
Сады повсюду зацвели,
Конногвардейцы в киверах[1]
Шинели лёгкие надели.
Орда в чиновничьих мундирах
Таскалась средь проспектов милых.

А на Московской стороне
Жила та дева – так приятна,
С которой верно же вполне
Сравнилась станом Ариадна.

[1] Кивер – это военный головной убор цилиндрической или конусообразной формы с плоским верхом, козырьком и подбородным ремешком.

Тогда в рассвете лет ей шёл
Год, знать, семнадцатый,
На том добавить нечего пока.

Вразрез столичной нашей моде
Мы в брак с «Сибирским чудаком»
Недумно лезем раньше сроку.
Что делать в нём годам её?
Но дума оная велась
Её отцом, тем паче дедом:
С желаньем чинным, их примером —
И кровь, и связи укреплять,
И сладить так, чтоб жилось легче.

Ирина юная не знала,
Что ей готовилось тогда,
С сестрицей младшею болтала,
Народ смотрела из окна,
Порою с маменькой гуляла.
И вот теперь на променад
Они собрались в польский сад.

Окончив тяжкое ученье,
Без лишней думы наш Сергей
В то подмосковное селенье,
Где прожил он ни счесть и дней,
Гнал ямщика, не смерив пылу,
Гнедую бедную в могилу
Чуть не загнав на полпути.

Достал бурдюк из рюкзака,
Откинул спину он в коляске
И услаждал свои уста
Бургундским сладким полукрасным.

Нёс экипаж его домой.
И он, наполненный надеждой,
Достойный сын, в делах прилежный,
Стремится смирно на поклон.
Теперь на чин назначен он,
И через месяц с назначенья
Явиться надо в Петроград,
Чтоб как слуга, а не фигляр[2],
Служить на дело государю.

«Из министерского окна
Плескаться будет ли Нева?
Ах, мог бы знать я?.. Сам не знаю».

Всю ночь проводит в думах он:
Не смог узреть, не тянет в сон,
Час на пороге новой жизни,
И вот в служении отчизне.
Он предстаёт перед отцом.

«Ну здравствуй, сын, моя отрада.
Годов взросления твоих —

[2] Фигляр – кривляка, позёр, человек, который стремится паясничаньем, шутовскими выходками заслужить чьё-либо расположение.

Уж наконец моя награда
Явилась в помыслах твоих.
Мать ждёт тебя, да, знать, с полночи
Верней всего и поморочит
Немного голову твою.
Но прояви ж, Сергей, учтивость
И ей усталою на милость
Кивай послушно – так велю».

И обнялись они тогда,
Слуга стащил его поклажу,
Но на порог шагнуть он даже
Не преуспел. Увидев мать,

Она, как принято, рыдать,
Он к ней, присев, целует руку.
Отец дивится на подругу —
Вот это ж строгая жена:
В слезах стоит, как не жива,
И уж совсем неровно дышит,
Знать, струп души её колышет
От этой радости весна.

Сергей – единственный в семье
Последних, благостное чудо.
«Уж пировали по тебе
Весь дом и двор. Вот это ж надо —
Напился дворник Елисей,
С которым ты играл далече,
Гоняя по двору гусей;
Тебя садил себе на плечи,
Теперь уж – сгорбленный старик».
И озираясь, плачет отче,
Когда припомнил этот миг.

«Но жизнь бежит – каскадов долгих
Нам редко в юности видать.
И вот ты в путь благословенный
С поклажей собранный опять,
Стремишься в сторону столицы —
Твой новый дом теперь уж там.
Прощай, родимая Светлица…»
Окончив, отче замолчал.

Чрез месяц дома в тишине
Ирина утреню читала
И, богородице молясь,
Перед иконами склонясь,
О всех несчастных вопрошала.

А из открытого окна
Неслась мирская суета.
Однако ж проезжает здесь
Сергей, с дороги ей не зрим,
Чрез тракт Московский в третий Рим,
Он озаряется: «О диво!»

Впервые видит град Петра:
И ветры финские так веют,
Внутри него сама Нева
Об стелы плещется, гранит;
И всё волнуясь, так мани́т.
Без меры чувства им владеют,
Себя он сам не узнаёт,
В нём новый мир, местами полон:
«Да что за образ бесподобный», —
Безмолвно размышляет он.

II

Не буду долгим оборотом
Теперь читателя смущать.
Сергей – советник титулярный.
Он в министерстве иностранном
Служить был приглашён начать.
И вот в отделе «Азиятском»
Вокруг движенья на восток
Державный интерес растёт
По воле крепкой Самодержца.
А Карл Великий Ниссельроде
Уж помогает этой воле.

Но нам ли думать о министрах,
Седых бездушия статистах?
Нет, не о них веду сей сказ,
Ни сан чужой волнует нас.
Сергей обжился в Петербурге:
Квартиру снял недалеко
От места службы своего,
Был в свет недавно приведён,
Над ними усмехался он.

Графья с индюшечьей походкой
И дамы с выправкой – селёдкой,
Повсюду нравов пыль летит;
И только девы молодые
С бледностью лани – как магнит.

Так жил он: службой увлечённый,
Вмиг гастрономией прельщённый
Столицы, где Валлот и Вольф[3],
Где половые, с ног сбиваясь,
Несут фужеров вал изящных.
Да, только это всё в укор,
Уж очень утомлял сей вздор.

Так жил он, службой увлечась,

[3] Валлот и Вольф – это основатели знаменитой кондитерской в Санкт-Петербурге, которая располагалась на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки.

Порою в свете появляясь,
Но чаще вечером в гостях
Он проводил свои досуги.
Где молодые в чине люди
Склонялись о судьбе страны:
Их речи вдаль устремлены,
И средь компании шикарной
Скандалов нет и нет вражды.

В то время милая Ирина
Уже являлась часто в свет.
И с ней обходятся учтиво
И подполковник, и корнет.
Её краса в своём восходе,
Девицы прячут нервный взгляд
И зависть с торжеством царят,
Когда она сквозь залу входит.

Ей нужно отдыхать от танцев,
Ведь каждый жаждет свой черёд,
И, освежившись вмиг шампанским,
Ладонь другому подаёт.
Уже любовные признанья
В записках господа ей шлют,
Она же ими свой лоску,
Что папильотками курчавит.

Ей чужды эти воздыханья,
Её спокойное дыханье

Не потревожила любовь,
И день за днём ни в глаз, ни в бровь.
Скучны французские романы,
В них дева глу́па, слуги пьяны,
Безбожно хитр там и аббат,
И каждый раз финал – набат.

О чём же милая Ирина
Мечтала, сладостью точима?
О дальних странах ли заморских?
Что двигало ею внутри?
Не знал никто. Поди пойми.

III

В один из вечеров в гостиной
Андрея, дух стоял там винной —
Сергею юному разгул.
А сослуживец тот и друг,
Подлив ему «Мерло» рукою,
От хмеля лёгкого собою
Он обращался в этот миг:
«Но что ты думаешь, старик?
Мой милый друг, в твои ль года
Лишать себя такой свободы?
Какие девушки вокруг!
А ты о Хиве, Бухаре,
И ненавистной Анкаре…
Когда б тебе с твоим подходом
Пленять красавиц мимоходом,
Покуда кровь внутри горит.
А ты всё в думах лишь державных,
Хоть служба и благоволит».

Сергей разгорячён изрядно,
Но излагает мысль складно:
«Они пусты, ты видишь сам.
Им предаваться – небесам
Отдать владение желаньем,
И в этом попросту гореть.

В том смысла нет, а я терпеть
Такие чувства не желаю.
Придёт тот час, когда одна
Мне будет определена.
И я такому повинуясь,
Не отвлекаясь на забаву,
В часовню, как на эшафот,
Пойду пред богом, обязуюсь».

Вокруг и хохот, и молва,
И улыбаются гусары,
Им эти частью близки нравы.
Но продолжает тут Андрей,
Махнув слуге, ещё подлей.

«Я бы с тобою согласился,
Хоть план мне твой предельно ясен,
Пожалуй, верно, но услышь.
Меня далече пригласили
На графский бал и ждут туда.
Из министерства, где мы служим,
Уже не одного меня,
Там просят юных дипломатов.
Чего бы раз не отойти
Тебе с унылого пути?
Прекрасный вкус, цветные вина —
Что за прелестная картина?

Уж тоже званый, брат, обед,
А позже вышутишь памфлет[4]
Для тех, кто будет тут в гостиной».

И пили дальше в этот вечер,
Андрей был ласков и сердечен,
И согласился с ним Сергей
Перед прощанием друзей.

[4] Памфлет – небольшое по объёму обличительное сочинение на актуальную социально-политическую тему (общественные или человеческие пороки).

IV

Горит нарядный Петроград:
На Невском сплошь городовые,
Купцы из Пальчино летят,
Увеселения иные им обещает эта ночь.
Скорей в Пакровский! Скуку прочь!

Дни мерно к делу подбирались,
К ним приглашения прислались.
И вот в июльский час вечерний
Сергей прибыл и друг с ним верный,
Оправив галстук у зеркал,
Явились на высокий бал.
Пусть оба – сыновья фамилий
Почтенных в нашей стороне,
Они как камни средь алмазов —
Князей, баронов, прочих; разом
Нам не учесть весь титуляр,
Оставим этот же фигляр.

Знакомясь с важными мужами,
Покорно вынося тот тон,
Что лаской назудает он
Для приходящих поколений,
И не имели с ними прерий.
Андрей, привычный к этой доле,

Шутил, общался, танцевал,
Везде Сергея представлял,
Но тот томился чести этой;
Учтивы дамы, кавалеры
Высокомерны, но манерны,
Без нарекания блюдут,
И церемонность правит тут.

О чём же может говорить
Сергей, чтоб отдых усладить?
То о парижной новой моде,
Что и неведома в народе?
То об успехах на войне —
О всех, кто был там лишь во сне?
О бранях, склоках и интригах?
Как пресыщает этот звон —
Бокал дрожит, да пуст ведь он.
К полночи заскучав совсем,
Но всё ж не оставлял он друга,
В сад вышел, и случилось чудо…

Но мы пока оставим бал,
Где подопечный наш страдал,
И возвратимся мы к Ирине:
В раздумьях прямо на перине
Лежала, а рядом подле ней
Служанка Стеша – та скромней.

«Ну что за диво тот наряд,

Что вам с Милана выслал брат.
Такой атла́с по меньшей мере
Здесь не найти и в три недели!
Чего ж вы, барышня, грустите
И собираться не хотите?
Ведь скоро будет экипаж,
И маменька уже готова.
Уже ль вы хочите другого?»

«Да нет, – ответила она. —
Ткань итальянская мила,
Спасибо дорогому брату.
Но вот не полно ль нынче нам
Таскаться вечно по балам?»

«А что же вам такой вот праздник,
Где и пироженок не счесть,
И кавалеров милых есть,
Совсем-совсем уж безобразен?»

«Оставь же, Стеша, не об этом.
Мне не близки такие встречи.
Людей вокруг, олимпа сонм…
Но чувств внутри всё не трепещет.
Я так хотела испытать
Волненье первого романа,
Чтобы любить, чтобы страдать,
Чтоб света целого мне мало;
Одной бывала поутру,

И чтоб потом всё разрешая,
Пред ним откинула фату,
В часовни клятву утверждая».

Она задумалась, мечтая…
Печальный, благородный взгляд,
Её прекраснейший наряд,
Но вот, себя опережая,
Уж снова собранность внутри:
«Неси скорей, пора идти».

Едут с удобством на кибитке,
Их тройка свежая несёт:
Сестра Арина, мать, Ирина
Шепчутся, едут в Петергоф.

«Ах, ты так долго, дорогая,
Себе готовила наряд, —
Сестра с улыбкой говоря, —
Там будет цвет кавалергарды[5],
Уж не для них ли ты теперь
Готовишь образ итальянский?
Не для горячих ль их очей?»

Но мать оправила сестру:
«Да хватит вам. Не то девицу
Так красит нынче на балах,

[5] Кавалергард – это солдат или офицер особого привилегированного кавалерийского полка в Российской империи.

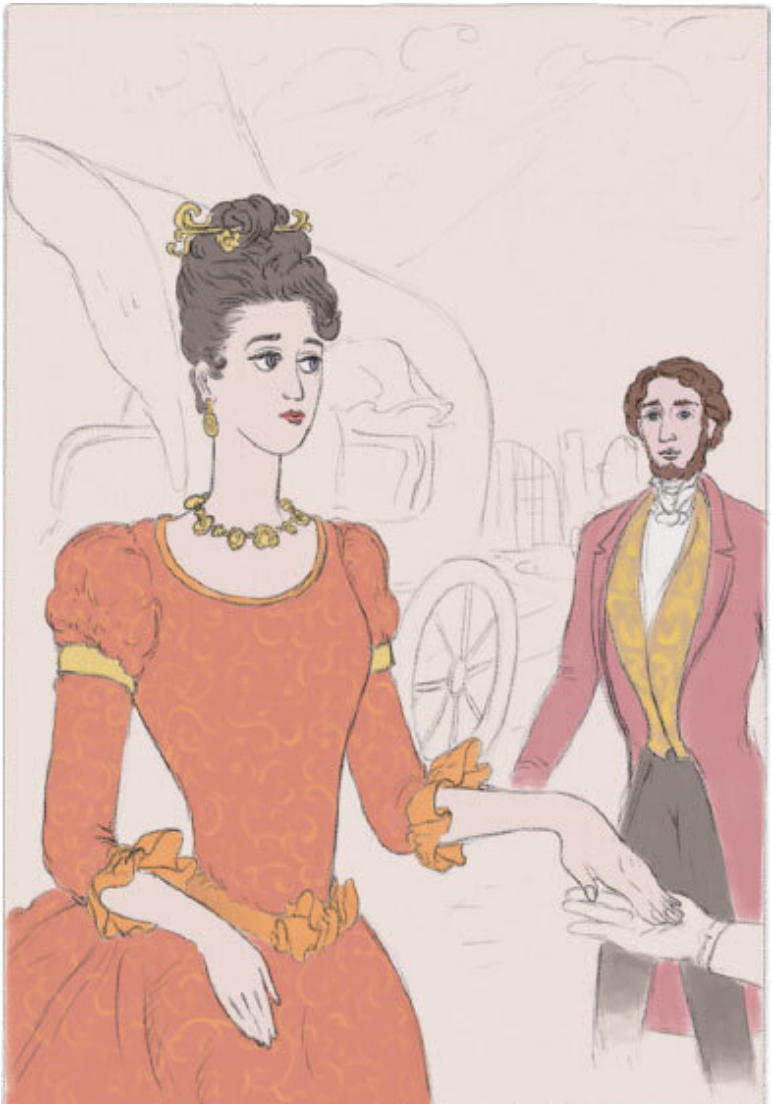
Чтоб взоры жадные стяжая,
Могла дворянка молодая
Играть французский decadence.»[6]

И дальше движется кибитка,
Ирина смотрит на проспект,
Сестрица с матерью болтают,
А в ней желанья вовсе нет.

Сергей стоит подле фонтана,
Вдруг экипаж по объездной
Тропинке с новою четой,
Звеня и лентами играя,
Подходит спешною рысцой.
Выходит дама, с нею дочь,
Он их ничем не примечает.
Но тут из дальнего угла
Выходит в атласе – она.

И грянул гром, душа взметнулась,
Вся суть его перевернулась,
В момент он пламенем объят,
Не отверзая боле взгляд.

[6] Decadence – упадок (*франц.*).

Ирина поданную руку
Взяла, ступеньку преступив,
И на короткую минуту
Решилась садом усладить
Свой взор, невольно обернулась.
И взглядом встретились случайно,
Как два по волнам корабля,
Бегущих в поисках печальных,
Не зривших света маяка.
И стало ясно, что судьбою
Те судна связаны теперь,
У них одна лишь в жизни цель —
Найти правдивую дорогу.

Ирину дале увлекли,
Знакомства их не заводилось,
Вот это шутка – божья милость,
Игра всеведущей судьбы!

V

Ирина возвратилась с бала,
Сменила платье, улеглась,
Пред этим Богу помолясь
И обернувшись в одеяло,
Того в раздумьях представляла —
Кто в том саду, не поклонившись,
Её смутил, не смирив взор.

Ни с кем словами не обмолвясь
И не являя перемен,
Живёт внимательна ко всем.
Лишь мыслью тайной утешаясь,
Полночи проглядит в окно:
«А где же сон? Да нет его».
И вот никто не угадает,
О чём Ирина в тишине
Сама с собой, сама в себе
Признаться близким не решает.

Проходит первая неделя,
За ней вторая, ну и вот
Уж третья кончится скорее,
Чем встреча новая придёт.
Он ни на ужинах высоких,
Театрах, вечерах, впотьмах

Ей не встречается нигде.
И Август, словно оклик громкий,
Уж проявляется в слезах.

«Ах, что же, милая, рыдать?
Тут полно радоваться надо.
Не так столичная чета
Неизмерима, верно, правда?
Тебе даю своё я слово,
Что помогу тихой беде,
Но только ты и будь готова
К тому, что принесёт тебе
Преднезнакомая любовь».

Надежда нежно обнимает
Сестрицу милую свою.
Ещё ведь барышня не знает
Завета – «первого люблю».

«Но Надя, как же выйдет это?
Как познакомимся мы с ним?»
«Оставь то мне, моя Джульетта,
Я – твой покорный херувим».

И так сидят они недолго:
Ирина, вольная от слёз,
Вновь засыпает в мире грёз:
Тот незнакомец ей приснился,
Душа щебечет вновь, как птица.

В очередную дивну ночь,
Когда Ирина превозмочь
Печаль свою была не в силах,
И с блеском вскользь слеза бежит,
Ей придавая внешний вид,
Сестра любимая явилась.
Да позабыла мерным стуком
Предупредить ночной приход.
Ирина бог весть чем укрылась,
Но поздно уж, сестра вперёд
Увидеть грусть её поспела.

И сев тихонько подле ней,
Ей молвит в тишине скорей:
«Ах, что такое, что за дело?
Улыбкой счастья грела днём,
А по ночам другим трудом,
Что ль, занимаешься сестрица?
Так в чём беда, моя ты птица?»

Ирина плавно повернулась,
И сердца боли не страшась,
Сестре доверилась любя…
И сна Сергей с тех пор не ведал,
И вкус терял, когда обедал,
Всё время думой обуян:
«Кто же она, belle inconnue?..»[7]

[7] belle inconnue – прекрасная незнакомка (*франц.*).

Весь день порой ни трезв, ни пьян:
«Как ты украла мой покой?
День ото дня я сам не свой,
Откуда ж звук прелестный днесь,
В груди моей, звенит так звонко?..
К тебе не возносил молитв я,
Иль то амуров дело – битва?»

Но больше ожидать не смея,
В один из тёплых вечеров
Идёт друг навестить Андрея.
Вошёл и сразу был таков:
«Не знаешь барышни прекрасной,
Что мной владеет ежечасно,
Что всё довлеет надо мной,
Как солнце в полдень над луной.
Той, что меня перековала,
Да так, что не заметил сам:
Часы по четверти смерял,
Молясь лазурным тем глазам…
Уж нет ли маленькой той нити,
Что даст мне шанс её найти?
Я не могу, мой друг, прости.
Что делать? В вихре я событий».

Андрей улыбкой его встретил,
Распорядился о столе
И, ногу на ногу закинув,
Заговорил навеселе:

«Возможно, мы найдём, то верно.
Но не решил ли уже ты,
Что и студент вчерашний, верно,
Супружник ей, её мечты?..

Я помогу, но ты увлёкся,
Всему есть час, пускай хоть два.
Но ты проблем не оберёшься,
В том обществе мы – не чета.
Среди тех дре́внейших фамилий
Мы измеримы не вполне.
Но ладно, знать тебя, мой милый,
Уж не удержишь в стойле».

Уже товарищей других
Встречают наши два героя.
«Ну что же, сударь, вам памфлет?» —
С ухмылкой процедил кадет.
Кругом бокалы наполнялись,
Товарищи в толпе собрались,
Об этом сборище справлялись.
Но нету шутки, не идёт,
Андрея меч сквозит полёт,
И тема скучная сменилась,
Да о другом заговорилось:
Об тех оказиях[8] простых,
Что юмором любым пусты.

[8] Оказии – случаи (*разг.*).

Июль минул, тянулись дни:
Сергей в тяжёлом забытьи
Бывает часто в министерстве,
Ни слова в день не говорит
И за бумагами следит.
Заметно всем его смятенье,
Его рассеянность. И вот
Советник коллежский[9] зовёт
Его для дачи разъясненья.

[9] Коллежский советник – это гражданский чин VI класса в Табели о рангах, которая действовала в Российской империи в XVIII–XIX веках.

«Mon cher[10], – учтиво начал он,
Поправил фрак, ослабив галстук, —
Вы всё смурнее день за днём.
Нет, я не злюсь, но думу значит —
Мне часто видеть вас таким?
Так что вас гложет? Мне вы тайну
Доверить можете свою?
Я вам советом помогу,
Быть может мудрым, но печальным».

Сергей, не силясь рассказать,
Решил ответ свой умолчать.
«Ступайте. Что же, видит Бог,
Я вам помочь хотел как мог.
Коль вы решитесь к разговору,
Всегда прошу. Теперь же в пору
Нам с вами дальше разбирать
Персидских дел глухую рать».

Со службы он домой вернувшись,
Вновь экономке приказал:
«Несите чай в гостиный зал,
А лучше сразу в кабинет».
«Быть может, ужин, ваша светлость?» —
Любезности была полна.
Но короток его ответ:
«Иди уж, мне охоты нет».

[10] Mon cher – голубчик, батюшка (*франц.*).

Вот третью чашу доливая,
В деталях деву вообразив,
Листая Байронский «Коринф»,
Он мимо строк порой блуждая,
Не понимал ни слов, ни рифм.
И очи тихо опустились,
И снится: сад, кибитки ход,
И, руку даме подавая,
Слуга учтиво спину гнёт.
Ещё мгновенье мимолётно,
И видит милое лицо…
Оборван сон, ведь, на крыльцо
Ступив, стучали беспокойно.
Сергей, проснувшись недовольный,
Кричит: «Кого там принесло?!»

Под ливнем жутким весь до нитки
Промокший гость в парадной ждал.
Зачем же он так поспешал,
Подвергнувшись излишней пытке?
Сергей спускается, и строго,
Высоко поднято чело,
Но вот за краем капюшона
Он гостя узнаёт легко.
И сразу строгостью на милость
Его душа переменилась,
С улыбкой ясною простой:
«Пусть поспешает половой!»

Андрей снял мокрое пальто,
Вмиг занимается камин,
И самовар, чтоб не озябнуть,
Спросил: «Гефест неукротим?..
Ну здравствуй. Весть тебе благую
Принёс товарищ бравый твой.
Пусть сбился с ног, пусть подчистую
Я в этих поисках продрог!»

VI

«Но довелось мне чрез прислугу
Твою красавицу найти.
Твой глаз, мой друг, не провести,
Так лгать тебе и я не буду.
Она боярского, брат, рода —
Оттуда ж гордая порода,
Которой был ты вдруг пленён.
И вот теперь ближайшим днём
Есть шанс тебе её увидеть,
Ах да, Ириною зовут.
Ну что же, признавайся плут,
Тебя ведь не отговорить?
Иль ты отступишься, быть может?
Меня, признаться, сильно гложет:
Великосветская чета
К тебе не будет благосклонна.
Но полно, всё же я тебя
Теперь уже предупредил.
И думай сам, коль хватит сил».

Сергей стал в думу погружён:
«И как мне здесь, скажи оракул?
Я всё же такта не лишён —
Нет смысла лезть в пустую драку».

Товарищ тихо у огня
Косточки грел, коньяк хваля:
«Союзник верный при простуде».
Друг ждал конца его раздумий.

«Я не нарушу положенья, —
Промолвил тягостно Сергей, —
«Пристало ль мне являться к ней?..
Я чувств умерю бег бездумный,
Запиской краткой объяснюсь
И уж потом в предел решусь».

«Слова не мальчика, но мужа.
Вы поглядите – снова трезв,
Рысак уставший снова резв.
Так что ж, я полагаю, нужно,
Чтоб я отнёс своей рукою
Письмо той деве молодой?»

Сергей наш гостя истязал
Почётной горстею вопросов.
Но нам известно, что не знал
Андрей подробностей, и вскользь
Ответы его по верха́м.
Чтобы и нам им не вторить,
Придётся вечер упустить.

В то время Наденька, стараясь
И, как Андрей, вся с ног сбиваясь,

Искала оного стрельца,
Коим Ирина без конца
В ночи подле окошка дышит.
Да только Бог её не слышит,
И никому он незнаком,
Сколько не знайся по гостиным,
Надежда оклика о нём
Так не находит день за днём.

За сим безмолвием картинным
Ирина по ночам страдает,
Печали голод утоляет.
Сестра же духом исполинным
Старалась ми́лу ободрять:
«Нет, не найти его уж нам.
Я знаю: первая любовь
твоя не повторится вновь.
И всё же, свой совет я дам:
Не береги ты соль для ран,
Ещё придёт весна иная,
И ты, надеждами томясь,
Войдёшь в чадящий воздух мая,
Чтоб сила новая зажглась».

С тех пор не ест совсем Ирина,
И ночи хуже всяких дней,
Дышать почти невыносимо:
«О август, пронесись скорей…»

Так в новый день она к обеду
Чрез силу бодро собралась,
В веселья маску облачась,
Идёт, и ничто ей не внемлет.
Вдруг молодая экономка
Её рукой зовёт неловко,
Почти бледнея – это драма,
Свой страх по силам усмиря,
Записку подаёт, сказя
Ирине быть поосторожней.

Ирина, мельком озираясь,
В покои на носках бежит.
И что же так уже тревожит
Её – бумаги бледный вид.
Тихонько сев на край кровати
У ненавистного окна,
Она в письмо погружена:
Читая, нервно локон крутит,
Словам чужим подчинена.

Письмо Сергея

Я видел вас всего минуту,
Но знайте, мне её длины
Хватило, чтобы в сердце смуту
Посеять, словно рябь воды.

Как много позже оказалось,
Я всё волнение своё
В попытках обуздать ещё
Делил на муку и на радость.

Тот миг короткий мне во снах
Казался долгими часами.
И вот с рассветом новым встав,
Я жить не мог, мечтая с вами
Хоть раз увидеться ещё.
Мне верно счастье улыбнулось,
Раз хоть бумагой этих строк
Руки твоей моя коснулась.

Я знаю, верно, этот тон
Для первых слов большая дерзость.
Но, верно, может, этот звон —
Во мне явившаяся нежность.

О встрече и мечтать не смея,

Даю вам исповедь свою:
Быть может, волей доброй небо
Поможет слову моему?..

Надеюсь, этим не смутил я
Покоя вашего в сей час?
Я буду ждать, как волн побега
В отлив иссохшегося брега;
Я буду ждать, как брег высокий
Ждёт в полдень волн морских набег.
Мне меньшим кажется из больших
Очами вашими весь свет.

* * *

Ирина, счастию не веря,
За разом в раз читала вновь,
В шкатулку тайную ей кровь
Укрыть письмо теперь мешала,
И раз ещё перечитала.

Сестра печальна и в раздумьях
Блуждала, сидя за столом:
«Но что с Ириной? Что за слом,
Её мученье претерпело?..»

VII

Но вскоре так и получилось —
Возможность встречи появилась.
И оба с этих самых пор
В волненьи на себя укор
Своих товарищей наводят,
А те смею́т их смуту в воле.

И в день назначенный Надежда
Сестрицу под руку ведёт,
Широких улиц светит свод,
И всюду чувствуется нежный
Предвосхищения полёт.
Ужель дрожит рука Ирины,
Но поздно повернуть назад,
Они проходят в тихий сад,
Андрей махнул подле осины.
С Надеждой время коротает
Хороший друг и заловой[11],
Пока милуются другие,
Надежду веселит собой.

Укрывшись в сада тихой тени,

[11] Заловой – в ироничном смысле так называли проворного интригана, который привлекает к себе внимание ради собственной выгоды.

Они растерянно глядели
В глаза друг друга – этот ход,
Охоты словно эпизод:
Когда испуганной лисицы
Худая гончая страшится.
Теперь, оживши в ней решимость,
Как прежде рыцарям водилось,
Ирина молвит: «Bon jornee[12]»,
Сергей краснеющий сидит.

«Быть может, это всё неправда?

[12] Bon jornee – хорошего дня (*франц.*).

Быть может, слишком долгий сон
Так затянулся? Вероятно,
К полудню подокрался он?

Не знаю, может ли такое
Средь повседневной суеты
Мгновенье краткое живое
Преобразить мои черты?
Не знаю, можно ли проснуться?
Но я, быть честной, не хочу.
И страх терзает грудь мою
И заставляет содрогнуться.

Но вы теперь подле меня,
Куда смелее ваши речи.
Вы бледны, я совсем красна,
Вы вверх задрали чуть дыша,
Я ниже опустила плечи.

Так вы боитесь, милый друг?
Не должно, но решусь отныне.
Вы мне позвольте, ваших рук
Коснуться хочется своими…
Чтобы тепло их испытать,
Когда внутри волненье полнит,
Чтоб ночью думать и опять,
Как юность, первую любовью,
Смутясь, стыдливо вспоминать».

Сидел и слушал всё Сергей
Уж цвета, верно, как покойник.
Она, перчатки сняв, скорей
Коснулась лёгкою рукою
Его руки, как лёд холодной,
И от волненья мир кружил
В глазах его, без меры скромных.

Простившись с ясностью в глазах,
На четверть часа опоздав,
Зашли домой. И вот Ирина
Для всех уж, верно, не собой
Казалась, чувствами томима.

Сергей с товарищем ушёл
В размах душевного подъёма,
Добрались в ресторан “Talona”,
Чтобы отметить поскорей
Успех уверенных гостей.
Да так, что добрали́сь до дома
Почти на плоскости бровей.
Но, впрочем, то и мне знакомо.

Теперь встречались голубки
Так часто, что порой казалось,
Уж не глядят ль со стороны,
Не дай же бог вдруг догадалась
Ирины милая maman?..

В одно с свиданий уж смеркалось,
И дева, чувства не скрывав:
«Вы изменились навсегда
Тем взглядом, думами ли, словом?
Скажите, разве я одна
Не сплю ночей? И за порогом —
Пускай всё глупая игра,
Но я сыграть в неё готова.
Мне представляетесь порой
Вы в силуэте незнакомца.
И я с печальною тоской
Весь день унылый и пустой
Свожу к пространству у оконца…
Не врите же сейчас, не время,
Когда уж встретимся мы вновь?»

И вот в порыве взвилась кровь,
А может, это есть любовь?
Она у губ уже Сергея,
И он в последний этот миг,
Смирив волнение, опешил.
И будто чудом стала явь,
Он, улыбнувшись, обессилел.

VIII

Последний сладкий месяц лета
Бежал, как поезд до Москвы,
В ярчайшем исполненье цвета,
Не зная отзвука зимы.
Ещё не слышно увяданья,
И птицам кажется пока:
Ещё слетаться не пора,
Ещё не близится прощанье,
Не манит Африки жара.

В то время был разгара чувств
Момент: коротких откровений,
Записок, глупых размышлений —
Прекрасен юношества путь!

Сей раз в раздумиях Сергей
С Андреем кофе выпивали,
Как почтальон, что было сил,
По двери вдруг забарабанил.
И вот конверт уже открыт:
Лежит в нём пара приглашений
На бал, который озарит
Один из милых дней рождений.
Казалось, как бы вдруг попасть
Туда нелепому герою,

Что, на удачу положась,
Живёт подобною мечтою?

И вот уже к третей декаде,
Когда усталый календарь
Изорван больше половины,
Сергей искал презент Ирине.
За пару дней до торжества
По вечерам он, с ног сбиваясь,
Все знатны обошёл места.
И день за днями, вечерами
В раздумьях долгих проводил
И наконец тогда купил
Вещицу милую для дамы.

Оставим дни до Горнесты
Здесь верно каждому понятно
В волжанах он был и она
Кандидер правил аккуратно
Десерты, кремы и торты
И повара в обилье снеди
Богатая пшеница свои
Горнево еда уже не кобели

Имение украшалось, сад,
В озах, эрмитажах и лесах
И многих прочих мелочах
В воспоминаниях не корректных

Детей было нет,
Теперь заполнят мать и дева
И уже когда вообще вашкет
В случаях, когда вернут в трезвых лет
Убран под пышную свеклина

И приближалось Горнесто

Оставим дни до торжества,
Здесь, верно, каждому понятно —
В волненье он был и она.
Кондитер правил аккуратно:
Десерты, кремы и торта;
А повара в обилье снеди,
Готовя кушанья свои,
Теперь еды уж не хотели;
Именье украшалось, сад
В огнях фонарных, пёстрых лентах
И многих прочий мелочах —
Воспоминаниях корректных.

Ужели восемнадцать лет?
Теперь заплачут мать и тётка,
А уж когда войдёт банкет
В ту часть, когда и трезвых нет,
Царит под шубою селёдка!

И приближалось торжество,
И так приятно всем казалось —
Пройдёт и кончится оно,
Что нетерпенье проявлялось:
Весь дом был в спешке, суете,
Ирина тоже предавалась.
Перчатки эти или те?
Неимоверная усталость
Тогда над нею овладела,

А Стешка барыне своей
Носила чай и колонели[13].

Тогда же дед её с отцом,
От всех подальше затворясь:
«Отец, Мещерский – вот же пара!
Как получилось у тебя
Добыть мне зятя генерала
В его-то юные года?»

«Немногим больше тридцати, —
Старик, в улыбке растворяясь,
Продолжал: – Уж я стараюсь
Для внучки младшенькой моей
Помочь, чем в силах в тягость дней.
Ах, сын, какие капиталы
У князя юного, притом
Завод коней, да на Тамани,
И не один доходный дом».

«Знать мы не бедствуем, пора ли?
Но в наше время знаешь сам —
Не доверять бы тем мужьям,
Что не устроены деньгами.
Пускай Мещерский и хорош,
Но от волнения она,
Чтоб разом чувств не потеряла,
Мы ангажируем сначала».

[13] Колонели – подвязки, декоративные элемента для платья (*разг.*).

И так восторг свой разделив,
Отметив рюмкой Бенедикта,
Вышли они, благодарив
Удачу с ласковой улыбкой.
С размахом зазвучит оркестр,
И подъезжают экипажи,
От красоты Ирины даже
Порой теряют господа
Свободу речи иногда.

«Вот это да, как повзрослела!
Теперь уж сразу не узнать!
А раньше коли и прогулка —
И детский смех, и величать
Ириной Юрьевной!» – шутили
На свой манер и много льстили.

Средь самых разных экипажей
Вот подъезжают не спеша
Два дипломата. Не дыша,
Ирина смотрит на кибитку,
Откинут верх, и видно их:
Одни подобен ей – притих,
Второй широкую улыбку
Оправил, брови опустив.

Входят они и, чинно кланясь,
Приличный соблюдая тон:
Амур краснеет, испрямляясь,

Когда Психею[14] видит он;
Но и она – дитя Эллады —
Уж еле держится сама.
Когда бы жизнь не столь сложна,
Всё это было бы забавно.

А дальше череда гостей,
И тосты – первая подача,
И поздравлений апогей.
Стоит отец, слезы не пряча,
Народу уйма – прямо тьма,
Слегка Ирина смущена,
Как всех запомнить – вот задача!

Шёл праздник, посреди веселья
Прибыл, позднившись, экипаж.
Слуга бежит: «Ох, господа,
Мещерский едет!» Все скорее
Уже глядят из-за плеча,
Уже шептались за столом:
«Как оказался? Здесь ли он?..»
Изящно поклонясь, Надежда
Ввела и в круг гостей его.
Так всё приятно и легко,
С кем он здоровался учтиво.

Пред ним явился и Сергей,

[14] Амур и Психея – миф о любви, преодолевающей разлуку, проявленный в виде божественного примирения смертной души и бога любви.

В нём, верно, смута побуждалась,
Он в синеве чужих очей
Приметил горечь, но не сладость.
Казалось, только он стоял
И без разумных объяснений
Уже безмерно ревновал,
Внутри исполнен потрясений.

Князь обошёл людей так много,
Что даже, кажется, устал,
Теперь с бокалом возвещал
Он именинице здоровья.

И каждый гость вполне доволен,
Играют лёгкий менуэт,
Не отдыхает всё ж квартет,
Когда здесь танцевать изволят.
Вина заморского – дивиться,
На половине языков

Названья прочитать не смог
Тот, кто Европою хвалился.
Для всяких чувств была услада:
Мужчины курят среди сада,
И дамы в сплетнях у стола
Погрязли – это нам известно.
Когда б их глупость расцвела,
Когда б, но это ль не прелестно?

И среди радостей, фанфар
Один Сергей в смятенье бдит,
Чтоб ласковый иезуит
К ней явно близко не роился.

Высокий, с выправкою верной,
Он не без ловкости манер
К себе расположить умел
И молодёжь, и дев желанных.
А титул каждому так льстит,
Что оный с князем говорит,
Который смирный серым взглядом
С вниманьем в спешку не летит.
«Мещерский – чудо, боже правый!» —
Девицы пели в закутках.
И ожидали: «Как бы так,
Чтоб пригласил меня на танец?
Ну что за вкус – прям иностранец!»

Но вот приходит тот момент —
Отец уж дочку подзывает,
Друг другу с князем представляет,
Cherchez la femme[15], ангажемент.

Ирина мило поклонилась,
Неловко руку протянув,
И князь, на миг лишь к ней прильнув,
Глазами ожил – вот же дикость.

[15] Cherchez la femme – ищите женщину (*франц.*).

Отец был, собственно, и рад,
Как преуспевший конокрад.
И их на время оставляя,
Иных гостей он развлекал.

Сергей уж, верно, угадал —
Суть его сыгранного плана,
Хоть знал он поздно или рано,
Но всё же есть такой исход,
Судьбе вторя: «Аль повезёт?..»

Прошла, быть может, четверть часа,
Совсем извёлся наш герой:
Сидит, замучен, сам не свой.
И вот, не выдержав порыва,
Он в сад направился ретиво,
Чтобы тот вид вернуть себе,
Которым обладать и должно.
Ведь в буре чувств, совсем к беде,
Сдержать себя бывает сложно.

Приметив сей побег невольно,
Уж именинница спешит,
Забыв про риск, про страх, летит
Вдоль скорбно ставших кипарисов.

И вот он здесь, но почему?
Какой секрет открыт ему?

Какая мрачная дилемма
Им так не вовремя владела?
И отчего он, обострев,
Собою излучает гнев?

Она подкралась, всё слышно́,
И нежно обняла его:
«Луна моя, ну ты чего?
Что вдруг тебя переменило?
Какая глупость иже сила
Уже владеет над тобой?
Оставь её. Ты всё же мой».

Сергей, стыдясь, глаза отводит,
Пытаясь врать, но не выходит.
Ирина частью смущена,
Как будто ложь предрешена.

Но всё неважно, всё тут просто.
Он, свой порыв переменив,
Уж по карманам ищет то, что
Искал так долго, как лесник
Искал подстреленного зверя,
Часов и ног не замечав,
В холодный ливень, не робея,
Найдя, но до смерти устав.

И в нетерпении она
Шкатулку скромную открыла

И взглядом светлым, как вода
На солнце, сумрак осветила.
В её глазах же умещался
Сапфир, изящно обрамлён —
Каменьев прочих украшенье
Всех краше будет в торжество.
Так верил, выражает он,
Иной бы так не постарался,
Своё сердечное стремленье.

Вот час – и, верно, кончен бал,
Ушли к рассвету экипажи,
И засыпали уже даже,
Кто меньше всех с вином бывал.
Ирина утренней порою
В опочивальню к себе шла,
Но вот отец зовёт – беда.
Ей сон уж снится на ходу,
Но молод слух: «Иду, иду…»
И в залу проходя, зевая,
Отцу почтительный поклон,
Через дрёму, верно, отпуская,
Она садится, ожидая.

Лежит и излагает он:
«Ох, дочь моя, давно ли годы
Твои я проживал уж сам?
Волненье сердца, дух, свобода —
Быть может, я и растерял…

То было время, были живы
Во мне чудесные порывы,
Метанья чувств тогда порой
Овладевали надо мной.

Носясь по свету, возмущённый,
Искал забав, судьбой прельщённый,
Я ничего не замечал,
Покуда случай не страдал.

Я жил, не зная и не ведав
Ни правды, ни отцов, ни дедов.
Да некому, увы, тогда
Мне стать учителем и другом.
Я синяков набил сполна,
И вот седая голова
Уже лысеет полукругом,
Не ощутив былую удаль.

Но был момент, когда мне небо Свой луч же протянуть сумело. Как полагаться… То есть так – Мне заключить явилось брак.

Пусть и сначала ерепенясь,
Скучал за вольностью своей,
Всё сжилось складно и стерпелось.
И вот уж в середине дней
Я благодарен ей безумно:
За вас с сестрой, уют, наш дом —

Всё, что нажили мы вдвоём.
То, верю, лучше, чем беспутно
Блуждать бездельным светлячком».

Он, струйку дыма выпуская,
О жизни целой вспоминая,
С минуту дух восстановил,
А за окном скворец гласил.

«Я в ранний час не ностальгией
Предаться с дочерью хотел.
Моя отрада, стало ныне
Нам разрешенье важных дел.
Сегодня стала ты взрослее,
И это полно для того,
Чтоб думать, как и за кого,
В том с дедом мы чуть преуспели».

Ирина, тихо изумясь,
С испугом слушала в надежде,
Что будет всё как было прежде:
«Ужель не шутка, скажет, шанс
Ещё останется? Какие ж
Мне уготовил вести злые?..»

«Не буду долго отлагать, —
Сказал он, глупо улыбаясь, —
Твой муж уж будет, верно, князь.
Когда сегодня вы встречались,
Он вижу нравился тебе?
Высок, изящен. Стало ль мне
Желать себе другого зятя?
И знаю, милая моя,
Ты будешь счастлива с Мещерским.
В январь звоня колокола,
Уж на венчанье вострепещут…»

Опустим сцену расставанья,

Здесь знать нам стоит лишь одно —
Ирина плачет, и в окно
Устремлено её стенанье.
Отец, учтиво поклонясь,
Забыл ответить благодарность.
Она сознаться в тот же час
Хотела, но не возрешалась
О том, что в сердце есть другой…

В далёкой стороне Сергей
Спокойно спал, предполагая,
Что скоро женится на ней,
Когда советника разряда
Достигнет службой государю.
Незнанье – лучшая награда.

IX

Не знала бедная Ирина,
Что в этот час коротких ласк,
Ей жизнь готовила учтиво.
Не в силах глаз сомкнуть в мученье,
Всё ж от подушки оторвав,
У зеркала лишь удрученье
Своё ей видеть отраженье.

Служанке дан был выходной,
И дверь весь день не открывалась.
Был полдень, миг, уже смеркалось,
И вот печаль свою с луной
Невеста юная делила.
А та внимала и светила,
Как мы внимаем сотням бед.
Пока луна всё освещала,
Ей тихо барышня шептала:
«Ты светишь, но холодный свет,
Ко мне твой луч – скупой привет».

Вдруг показалось, хоть не верь,
Тихонько постучали в дверь.
Ирина, слёзы вытирая,
Прислушалась тихонько – звук.
Нет, ей совсем не показалось,

То был едва заметный стук.
Собравшись с силами, идя
Бесшумно, будто бы крадучись;
Боясь, что боль её видна,
Мечтала, как бы из окна
Голубкой упорхнуть летучей?

Из-за двери шептала ей
С волненьем трепетным Надежда:
«Открой мне, ангел мой, скорей,
Я вижу, как ты безутешна,
Как душу пронизала скорбь.

Но не одной тебе мытаться,
Утихомирь же этот шторм.
Открой. А коли нет, сестра,
Мне громко ль надобно стучаться?»

Замочек щёлкнул, дверь открылась,
Она вошла, обняв сестру.
Как хладно станет на ветру,
Нас согревает чья-то близость,
И так придвинулись друг к другу,
Судьбы терпели злую вьюгу.

В тусклом горении свечей
Им отразился громогласный
Злой рок – спокойный, безучастный,
Куда ни направляй очей.

И как молитв ни возноси,
Сколько ни бейся несогласный,
Ты просто жертва палачей,
Как и невольник Гефсиманский[16],
Вот всё безволие пути.

В теченье скором пред седмицы
Уж знал весь дом, что скоро днесь
Из-за наличия невест
Знакомство чинно состоится.
Хоть многим барышня пыталась
Скрыть новой участи печаль,
Да Стеша, как бы невзначай,
Об этом чувстве догадалась.

И вот сидят они вдвоём,
Ирина чай пьёт с имбирём,
С серьёзным видом Стеша вяжет,
Знать, что-то тёплое себе.

Покуда глупость среди пряжи
День очернила хуже сажи,
Не ляпнула под нос себе…
Ирина раз десятый в слёзы,
Опять разбиты мысли, грёзы,
И Стеша головою машет,
Запрятав палец за губой.

[16] Гефсиманские сады – согласно Новому Завету, Иисус и ученики регулярно посещали это место, что и позволило Иуде найти Иисуса в ночь ареста.

Пытаясь словом внемлеть разом,
Она, к Ирине наклонясь,
Своим бесхитростным рассказом
Слаще, чем сахар, молвит часть:
«Но как же быть, зачем же плакать,
Вам ли печалиться теперь?
Мещерский всё ж не лютый зверь,
А вы встречаете, как траур,
Удачу – бледная, как мрамор.
Вчерась он только к вам отправил,
Его вниманья добрый знак.
Вы, может, думаете, так
Он ваши чувства подкупает?

Всё и по делу: он не скуп,
Хорош собой и не синица,
Журавль в власти ваших рук,
Вы с ним уж будете царица.
Взгляните, барыня, скорей!
Ведь здесь лежат сребро и злато,
Так много шёлка и камней,
Отрезы атласа и бархат.
Вы просто, думается мне,
Себе не верите во счастье.
Какое эдако ненастье —
За князя свататься теперь?»
«Так, Стеша, хватит. Вон за дверь!»

Сергей об этой суматохе,
Уж видят боги, знать не знал,
Он встречи новой с чувством ждал,
Призрев иные увлеченья.
Но как же сладостно влеченье,
Пока его не растерял.

В один конторний день за делом
Он, с сослуживцами шутя,
Столичных сплетней беспощадных
Внимал, письмо переводя.
И вот одна из новостей,
Что скоро женится Мещерский.
Из перспективных он зятьей:
Богат, красив, бывает резкий
Высокомерием своим,
Что наши – чином, тот – лишь дым.

Но наш герой совсем спокойный,
Тогда работой увлечённый,
Сей вести не заметил он,
Склонясь в служении своём.
И ближе точно выходные,
Ирину видеть новый раз,
Её прекрасных синих глаз
Касаться взглядом; где иные,
Не зная близости такой,
Заметят отблеск голубой.

И в день назначенный, условясь,
Он в сад явился до неё
И, созерцая бытие
Среди цветов, к ним прислоняясь,
Мечтал свидание своё.

Скоро идёт уже Ирина —
Бледна, безличия полна,
На ней буквально нет лица.
«Чем ты, любовь моя, томима?»
Но смотрит в сторону она,
Теряя нити разговора,
Как будто девица пьяна,
Как будто назревает ссора.

В то время думала Ирина
О том, как лучше дать ответ:
«Нет, не смогу, увы, не в силах
Открыть ему такой секрет
Среди печалей и рутины,
Среди обыкновений лет.
Такой ужасною картины
Не предвещала нам судьба:
Бал свой сегодня, завтра – тьма;
И вот финал неотвратимый,
Пророчит Невская волна…»

Сергей незнанием сражённый,
Вниманьем чутким, что есть сил,

Ирину рассказать просил,
Откуда вид столь удручённый.
Но всё Ирина холодна,
Как снег зимою скандинавской,
С мученьем, прислонилась льда,
Ему доверила рассказ свой:

«Сергей, ну как тебе я рада, —
Собравшись, молвила она, —
Ты, верно, так спешил сюда,
Быть может, я вдруг опоздала…
Ты знаешь времени закон,
Его вершить никто не в силах,
Как бы ни мнился он силён,
Оно, увы, невозвратимо.
Пока извозчика искала
Служанка, я не поспевала.
Не злись же ты, моя услада,
Средь увядающего сада».

Он руку ей нежно целует,
Они идут, она тоскует.
Пройдя короткий поворот,
Ирина тему задаёт:
«А что же слышно вам на службе?

Быть может, новости с полей:
Не от кавказских ли частей
Иль снова турок малодушный

Желает освежить коней?»

Сергей подробно говорил,
Что много нынче перепутий,
И размышленье уводил
В сторонку от ненастной сути.

«Но знаешь, светский мир похож:
Парад властителей, вельмож,
И их союзы непростые,
И их невольности другие.
Вот слышал новостей последних?
Я не могу примерить в толк:
Повсюду титулам восторг,
Среди служителей есть сплетни,
И слышно свадеб в Петербурге,
Где граф иль князь, ему жена
Уже за титул отдана.
И видно, я же с ними в купе…
Мне больше нету сил бояться,
Но знай, что ты, любовь моя,
Меня лишён теперь навеки…
Признаться, тяжко, такова
Порой родительская воля —
Я за Мещерским венчана».

Сергей дышать не мог, не спорить,
Здесь пред картиной роковой.
Чтоб сцен неловких не устроить,

Возобладав же головой,
Сказал он, чётко повинуясь,
Забыв наличие души,
Что счастья ей в её пути
Желает, нечего и думать.
Но слов других и не найдя,
Мгновенье оба цепенели.

Новоявлённая княжна
Его целует, слёз не пряча,
Короткий миг, вот не задача,
Как вдруг исчезнула она.

Сергей блуждал по Петербургу,
Не видя лиц, не зная мест.
Но вот неведомой рукою,
Его с поникшей головою,
Дорога выдалась принесть —
К Андрею друг явился днесь.

Он краткой сутью изложил
Всю незабавную картину,
Впервые в жизни закурил,
Умерив кашель через силу.
Ему внимал печалью друг,
Катился пот, когда он с жаром
От сердца мучимым пожаром
Ирины вспомнил нежность рук.
Последнее прикосновенье,

Теперь оно как сновиденье,
Реальный разрушало мир;
Его томило ежечасно,
И поминутно изводя,
На фоне чуждых лир ненастных,
Напоминало – всё напрасно,
И так бессмысленна борьба.

«Я понимаю, мне знакомо
Мученье невозможных чувств,
Но не сжигай мостов с любовью,
Ещё коснётся твоих уст.

Красавиц юных, брат, немало,
Средь Дон Жуанов пьедестала
Тебе пускай не занимать,
Но ты ведь можешь, не стесняясь,
Еду для сплетников создать!
Твоя любимая столица
Не так уж и бедна на лица,
И по секрету сообщаю:
Чем больше женщин ты познаешь,
Тем легче ты забудешь ту.

Не мучься этим понапрасну,
Созданью милому подвластным
Негоже для мужчины быть.
Ты хочешь счастье, но испить
Его решайся из бокала,
А я тебе его даю.
Прими лекарство, друг, молю,
И ты поймёшь – тебе уж мало.
Всё это губит, и назад
Не повернёшь ты из часовни.
Роман чудесный – будь же рад,
Что ты, волнением прельщённый,
Теперь свободен от неё.
Ищи признание своё.
Да, нужно многое обдумать,
Но для того и жизнь дана».

Приказ слуге отдал скорей:

«Порфирий, белого вина!»
Растерян малость был Сергей.
«До дна, и едем балагурить!» —
Дополнил речь свою Андрей.

Проснувшись с мутной головой,
По дому мрачно озираясь,
Забыл в мгновенье обо всём,
И в этот миг ему казалось,
Что жизнь – иное ремесло.
Уже готовит скромный завтрак
И надевает свой сюртук,
А здесь же понимает вдруг,
Как будто прежде Моисею
Явилась мудрость от небес,
Так открывается Сергею —
Его не будет боле здесь.

Как он привёл себя в порядок,
Немного чувства обуздав,
Велел укладывать поклажу,
Полтинник экономке дав,
И в министерство путь держал,
С улыбки пыль стерев и сажу.

Прошла всего лишь четверть часа,
И он в известный кабинет
Проходит. «Скоро уж обед, —
Ему начальник отвечает, —

Вы припозднились, ничего.
Такое иногда бывает,
Порой и Бог не поспевает
Следить творение своё».

Закинув ногу на другую,
Он по-отцовски продолжал:
«Доволен вами, не блефую,
Но вот порядка больше б вам,
А там о чине потолкуем.

Но прежде, помните, мой друг,
Что красота – есть суть порядка.
И дипломаты там и тут
Закон сей чтут и верно знают.
Но скажем, хватит поучений.
Быть может, раз часы спешат,
Мы отобедаем в “Elene”?
Я угостить вас был бы рад,
Чтоб нам работалось ловчее».

Сергей, участием смущённый,
С поклоном отвечал: «Тогда
Я благодарен, но судьба
Меня, увы, из Петербурга
В совсем нелёгкий час ведёт.
И раз уж так она зовёт,
Мой вывод – следовать доступно».
И положив на стол бумагу,

Он, отошедши, стоя ждал.
«Что ж, выбор, если кто избрал,
Ему препятствовать не стану.
И всё ж изволимте тогда
Мне за бутылкою вина
Всё ж изложить свой лейтмотив?
Иные мысли опустив,
Вас провожу, благословив».

Ещё проходит с четверть часа,
И вот они уж за столом,
А в ресторации кругом:
Звенят бокалы, бьют шампанским,
Несётся скоро официант.
Купцы их кличут – половые.
И на столе уже стоят
Вино и радости другие.

«Я понял вас, мне, милый друг,
Стремленье юное понятно,
Но всё же так ли сгоряча
Вы управляетесь – загадка.

Вопросов много – все пусты.
Ты чаще думай головою,
Ведь убегая от любви,
Слывём безумцами порою:
Живём, угроз не оценив,
И погибаем среди них.

И я был юн, мне доводилось,
Но всё же в том ли божья милость,
Что не умчался никуда
И встретил здесь свои года?..
Теперь же, как закончим мы,
Собраться можешь ты в дорогу.

Я все формальности учту,
Взгляни с отъездом на мосты,
И не сжигай их век. Ну, с Богом».

Так сделав несколько визитов,
Сергей к пришедшему утру
На почтовых прошёл Неву
И на Кавказ дорогу выбрал.

X

Мирясь с родительскою волей,
С укладом вечным, женской долей,
Ирина, скромностью крепясь,
Порою видится с Мещерским.
И с видом странным, глупым, детским
Раз улыбнётся иногда,
Как будто вольность ей дана.

Приготовления повсюду:
Сам день, потом поездка к Югу,
Князь хочет в италийский край.
Всё скажет ей при новой встрече:
«Не хочешь в Рим? Так выбирай».
И вот сидит она далече,
А взор её в раздумий час
Упал на Северный Кавказ.

Новое письмо Сергея

Теперь, Ирина, уж Мещерской
Вас назовёт весь Петербург.
Я не хочу преградой дерзкой
В союз являться. Ваш супруг
Любви достоин, вероятно,
Но эта мысль мне страшна.
Когда же думаю, княжна,
О вас лишь, боже, так приятно.
Нам будет тесен этот град.
Не нужно лишних доказательств:
Вы были рады, я был рад,
Увы, не сдюжив обязательств.

Я к вам пишу, но не в досуг,
Уж собирается поклажа,
Не выпускаю я из рук
Платок, слова, касанья ваши…
Я уезжаю, вам искать
Вестей и встреч не будет толку.
Как жаль, но вынужден бежать,
Себе потворствуя по долгу.

Вот и в словах моих весна,
Дойдёт до вас её дыханье?
Пусть будет в пенье соловья

Любовь горячая моя
Лишь до момента увяданья.

Поверьте, дни, что с вами был,
Я почитаю лучшим счастьем.
До вас я, верно, и не жил,
Меня зовёт дорога вдаль.
И хоть бы даже и ненастьем
Будет наполнена она,
Всё в жизни вскользь,
И между прочим,
Так будьте счастливы, княжна!

Скажу спокойно, не таясь —
Эльбрус манит меня прекрасный.
Я убываю на Кавказ.

В сей миг растерянность и страх
Вдвоём над ней возобладали,
Сменила бледность на щеках
Её врождённые румяны.
И дышит словно не сполна,
Ни слов, ни силы нет, ни веры.

«Куда идти? Куда бежать?
Какая глупость… вот же бедный… —
Секунда, гнев. – Вот ж дурак!
Оставил свет, бежит далече.

Он, верно, попадёт впросак… —
И шёпотом: – Отдастся смерти…»

В тот день прошло уж две примерки,
Реки закутали фейерверков,
Отец и дед в восторге дня,
Чуть перебрали между делом —
Штоф коньяку и два вина.
Девицы с нею щебетали,
Происходящему дивясь,
Другие, в зависть уклонясь,
Глядели мерно на Ирину:
«Ах, если б нам судьба картину
Смогла такую же да спрясть?!»

Но нету счастия в столице,
Всё день за днём, всё те же лица.
Ирина сядет у окна,
Даст на секунду волю думам,
Но уж не плачет, жизнь ясна,
Как рыбаку тот брег песчаный,
Но жизнь не челн и не блесна,
А непокорная волна…

Кибитка мчит неторопливо,
На почтовых меняя круг.
Через Москву, да дома мимо,
Туда, где жизни больше вдруг?
И так по трактам и дорогам

Черёд губернских городов,
Он к цели приближался с силой,
Извозчик тянет на восток,
Да тянет, верно, на Ростов.

Там у Сергея старый дядька —
Полковник, может, генерал.
Он уж поможет и подскажет,
Куда пойти, чтоб не пристал
К нему за чином тыловой
Обоз иль штат. Ведь нужен бой,
В огне своём неумолимый,
Чтоб мог не думать о любимой.

Уже он где-то под Ростовом,
В именье въехал, и спеша
Ему приятным перебором
И листопадом сентября
Учтиво поклонился клён.

Выходит из дверей, чуть щурясь,
Старик усатый удалой,
Не тощ, не толст, походкой бодр,
Как будто седины такой
Ещё вчера и не бывало.
Шагает твёрдо, спину прямо,
Подходит встретить он гостей,
В улыбке доброй раскрываясь:
«Ну здравствуй, добрый наш Сергей.

Скорее в дом, какая радость!»
И следом Прохор чемоданы
Тащить спешит, поклажу сняв,
А старику уж мнятся планы:
Охота, стол, возможно, дамы.
Не первый день он был в войсках.

Так генерал рукою кажет —
Сюда икру, туда барашек,
Девиц зовите из певиц,
А коли нет, то всё же зовите!
Еда к желудку, а для глаз —
То будет мерою проказ.

И всё с имения, с хозяйства:
И мёд, и пиво, и вино,
И бесконечные же яства.
И вот уж взялся за перо
Старик, знакомых созывая,
Чтобы похвастать на пиру
Ему, бездетному годами,
Отрадой малою свою.

Но чтобы суть не затерялась,
Уж от себя прибавлю малость:
Сергей в мальчишеских летах
Гостил порою там, у дядьки,
Сначала – бегалки и прятки,
Потом – заезды на санях;

А дальше, твёрдою рукою,
Тогда ещё он капитан,
Учил его стрельбе лихою
И на охоту провожал.
В их отношениях сердечных
Была особая любовь,
И потому герой беспечный
Поехал сызнова в Ростов.

Ведь знаем мы порой с дороги,
Пусть даже и промочишь ноги,
Так нужно точно прежде сна
Нам оказаться у стола.
Вот и сидят они гутарят
О том, как жизнь идёт теперь:
Как измельчали кардиналы,
Как самодержец постарел.
Кивают, что-то обсуждая,
Сергей, уж больше не скрывая,
Являет свой незрелый план,
Как запорожский атаман.

Молчал тогда старик угрюмо,
Не понимая в этот миг,
Чего к чему и почему-то
Движений логики таких;
Зачем и с гордости какой
Он променял столиц державных
Довольство, благость и покой?

Бездушный отрок окаянный…
Он выпил рюмку, съел рябины,
Сергею руку на плечо
Вдруг положил, как будто сыну,
Поправив ус, налив ещё,
Припомнил давнюю картину;
Затем неспешно выпивал,
Уселся прежде поудобней
И с расстановкой зачинал:

«О, отрок, юноша, мальчишка?
Что с твоей стало головой,
Что вдруг ты жизнью мелочишься?
Что под моею сединой
Ты прежде сроку возвестишь?
И что за глупость, мой ты милый,
Теперь намерен совершить?

Я помню: был ты прежде кроток,
Ещё бродя на околоток[17],
И как у нянек в пеленах
Без плача сутками валялся,
Вот умиленье, ох и ах…
Когда постарше ты уж был,
Ужель не я тебя учил
Тогда стрелять из пистолета?
Так ты пугался пороха,
За ребятней не волочился

[17] Околоток – окружающая местность, окрестность (*разг.*).

И не был ведь тогда дурной.
Чего теперь переменился?

Я не пойму, зачем тебе,
Когда всё только состоялось,
Вредить делам, вредить себе?
Ведь на Кавказской стороне
Тебе являться не бывалось.
Быть может, корень тут в ином?
Я, как боец бывалый, знаю,
Что губят женщины с вином.
Порой игра и свеч не стоит,
Но всё ж дурак её заводит
И платит более челом».

Сергей в теченье монолога,
Кивнул на «женщины с вином»,
И генерал забыл про думы.
Уж предлагает и даёт
Свою поддержку, словно руку:
«Ну, здесь уж мне не говорить,
Ведь от того не будет толку.
Как жить – не мне тебя учить,
Так лучше спробуем настойку!»

И начал снова генерал:
«Быть может, ты в гусары хочешь?
Иль, если чужд, брат, доломан[18],

[18] Доломан – это часть гусарского мундира, короткая однобортная куртка со

В инфантери́и[19] станешь прочно!
Пусть с понижением куда,
Согласно Табели о рангах,
Но офицером хоть куда.
Хоть к чёрту можно на рога
Или в степь, ты слышал – Бухара?
Чудесный край на пограничье,
Там служба – песня, климат – зной,
Споёшь, и ты одной ногой
Легко покачивай могиле, —
Вдруг рассмеялся генерал. —
Ну что ж, Кавказ, как ты сказал.
Но, впрочем, есть одна идея:
Я там, в Навагинском полку,
Немало знаю громобоев.
Решим, возможно, погодя,
Ну а пока чай гости едут,
Гульнём за проводы глупца!»

Не суть российского гулянья —
Других гуляний веселей;
Народ, который удивлять
Не перестанет ежечасно,
И с тем свободою своей
Невольник подданости царской.

стоячим воротником и шнурами, поверх которой надевался ментик.

[19] Инфантерия – устаревшее название пехоты как рода войск в армиях ряда стран Западной Европы.

Простились с дядькою они,
В увеселеньях эти дни
Вполне привычных проводили,
И как ударил час-другой,
Он на коне одной рукой
Держась за упряжь, машет дяде.
Стоит усталый генерал,
Что мог, племяннику отдал.

Бегом, почтовою дорогой,
Сергей на даренном коне,
Да не на кляче, скакуне,
Съезжает на соседний тракт,
С конём дыша по такту в такт.

И конь его гнедою масти
Под ним покорен, но игрив,
Гунибский нрав его ретив;
Четыре года жил в неволе,
Теперь же с этих самых пор
Он чует придыханье гор.
Они теперь вдвоём поныне,
Не разлучала их судьба,
Сергей привстал на стремена,
Салютовал душой к Ирине!

Он к Ставрополью едет лихо,
А в Петербурге там и тут

Всё свадьба ближе. Дворник, плут,
Уж в будке пьян с утра пораньше.
Узнаем, что же будет дальше?..

Примерки платьев, расписанья,
Рассада схема для гостей,
Родитель радостный в мечтаньях.
Дитя, покинувши постель,
Уже не знает, для чего ли
Вставать ей нужно по утрам?
А ощущения неволи,
Скажу я вам, ведь знаю сам,
Терзает сердце беспробудно;
И ночью холодна постель,
Еда без вкуса, и вино
Не помогает поминутно,
Хоть бочку осуши его…

О нём теперь она томилась
Тонким письмом – такая милость.
Теперь всё чаще по утрам
Она и в церковь приходила,
Молилась искренне о том,
Чтобы его святая сила
За сим вернула в отчий дом:
«И ты, и я, дитя скитаний,
Но от чего бежал ты в дальний,
Доселе незнакомый край?
Что ты искал в горах мятежных

Среди вершин и долов снежных?
Не мне, но сердцу отвечай».

Но много ль толку от молитвы
Когда уже был избран путь?
Решившись так, что не свернуть,
Не переменишь ничего,
А только насмешишь кого.
Ведь Мойры строги к аргонавтам[20],
Авантюристам, гусакам[21].
По нраву пьяницы им, правда,
И помогают дуракам.

Вернувшись в дом, уже в гостиной
Она примерила опять
Любимый сарафан свой дивный,
И Стеша млеет в тишине,
Красот сражённая наряда:
«Ваш князь, поверьте только мне,
Ни отвернёт от вас ни взгляда.
Вы просияете в свой день,
Будут и девки вас судачить.
Запомнит вас весь высший свет,
А Петроград за им тем паче!»

Как ни грусти, но девам всё ж

[20] Мойры – богини судьбы в древнегреческой мифологии. Аргонавты – участники похода в Колхиду на корабле «Арго».

[21] Гусак – надутый, кичливый человек.

Всегда приятны комплименты,
Ирина ласково рукой
Коснулась кружева и ленты;
Улыбка странная прошлась,
Нет, пробежала по устам,
И на секунду жизни часть
Раскрылась запахом лаванды.

«Сегодня князь приедет мой,
Согласовать чтоб все решенья,
Поговорить с отцом, с семьёй.
Так что не лезь ко мне советом,
Получишь пряник дорогой,
Не то же – кнут моим ответом».

Умолкла Стеша в тот же миг,
Нырнула в кухню, как исчезла.
И вот уж дню закат претит,
Садится в экипаж Мещерский.
Часы приблизились к восьми,
Отец и дед встречают тестя,
Мать, Стеша, слуги, две сестры —
Все изготовились поспешно.
Сидит теперь вполоборота
К ей нареченному Ирина,
Вот слышно радостный хлопок —
Шампанское уже открыто,
А чтоб привлечь вниманье нас,
Стучит Мещерский вилкой звонко

Богемским хрусталям в анфас
И тост начнёт Ирине горький:

«Когда узнал, я счастлив был.
Вы мне обещаны судьбою.
И мир зацвёл, и миг застыл,
Когда отец благословил
Вас стать мне доброю женою.
Теперь в преддверье торжества
Во мне ни тягости, ни скуки.
Встречал ль светлее существа?
На сердце вновь теперь весна,
С тех пор, как вижу ваши руки.

Бледны вы, верно, от волненья?
Но я и сам внутри горю.
Откиньте детское сомнение —
Я встретил вас, теперь люблю.

Ведь были дни, что мне забавы
Средь всей студенческой оравы
Казались лучше чар томленья.
Я ими же пренебрегал,
Себя совсем ещё не знал,
Теперь вся жизнь что мадригал[22] —
Подчинена в известной воле
Твоим желаньям и словам.

[22] Мадригал – небольшое музыкально-поэтическое произведение, обычно любовно-лирического содержания.

Хочу поднять бокал свой нынче
За ваших маменьку с отцом.
Ведь вы, воспитанная ими,
Со мной пойдёте под венцом.
Они растили и смотрели,
Учили, думали об вас;
И вот вы так похорошели.
Их труд огромный не признать
Я в жизни этой не посмею.
Так будет славен этот дом,
Так будет весел он и полон!
И с верой, равно, с Рождеством
Я поздравляю этот город,
Что вы живёте здесь и в нём!»

И зазвенел хрусталь богемский,
Всеобщий подхватив восторг,
Но только сердце у невесты
Летит на сумрачный восток —
Стрелой безвольной и безвестной.

Уж все милуются с Мещерским,
Надежда смотрит взглядом резким,
Приметив слёзы на глазах,
Помыслив, слова не сказав:
«Крепись, сестрица, будет так —
Хоть что-то уж переменилось.
Пусть мир разбит и в пух и в прах,

Судьба явила свою милость —
В супруга добрых ты руках».

А за окном уже привычно
Посыпал дождь столицы вдруг —
Так день сентябрьский комично
Обозначал чужой испуг.
На мостовую, выбегая,
Он над дворцовой притихал,
Там воля Господа иная,
Там император прибывал…

* * *

В то время прямо на Кавказе:
На бурке, в тишине заставной,
Сидит он с трубочкой янтарной.
Клубится дым, лежит папаха.
О чём же мыслит странник наш?..
Не о черкесской ль дикой воле?
Не о своей ль солдатской доле?
Уж не о матери ль с отцом?
Что ж горечь тяжкую свинцом
В его груди распространяет?
А может, он и сам не знает,
И в этот полусонный миг

Он созерцает горный пик,
Янтарной трубочкой качая?

Проза

Удивительный тульский расписной самовар

Ещё в царские, кажется, при Александре II, времена в одном не очень провинциальном городе проживали два купца – Самоваров и Чайников. И были у них, как полагается, лавки, точнее, как по тем временам, магазины. Магазин чайников у Самоварова и магазин самоваров у Чайникова соответственно. Возникал некоторый естественный парадокс – неудивительно, что в обществе их всё время путали. Как-то раз на выставку расписных самоваров почётным гостем пригласили именно Самоварова, а не Чайникова; для Чайникова, к слову, который еле успел привезти удивительно расписной тульский самовар, – это было ударом.

Вывески их магазинов смотрелись достаточно нетипично: большими красными широкими буквами на недавно побелённом каменном фасаде явственно читалось «Магазин современной кухонной утвари господина Самоварова»; через две улицы выходила на обозрение ещё более странная вывеска – витиеватой прописью в стиле “art-novo” было изящно выведено «Магазин самоваров Господина Чайникова». В

обоих магазинах располагались небольшие чайные комнаты, в них разливались совершенно разнообразные чаи: у Чайникова – импортные в самоварах; у Самоварова – травяные в чайниках. К чаю у Самоварова подавали пышки, у Чайникова – тонкие с масляно-медовым кремом бисквиты. Местные часто оговаривались и оттого не менее часто путали места встречи в данных заведениях. К счастью, оба магазина находились неподалёку друг от друга. Функционировали эти места довольно долго и успешно, оба купца остепенились и в целом жили неплохо, так шли года.

По прошествии лет дошло до того, что в один прекрасный день сын Самоваровых пошёл свататься к дочери Чайниковых. Парень в тайне от отца постоянно бегал в самоварную; хитрая девица в отместку родителям предпочитала исключительно чайники; познакомились они по пути между уже известными лавками. Удивительно, что они вообще нашли точки соприкосновения. На свадьбе гости, ещё трезвые, всё время путались при поздравлениях, с каждым тостом задача становилась сложнее. В конце концов, глава городской управы, Сидельников, недавно вступивший в должность (его предшественник по анонимному доносу отправился покорять Сибирь), чуть перебрав, выдал что-то около: «Господа Чаеваровы». Все несколько обиделись, но виду никто не подал.

Жизнь шла своим чередом: купцы, как и полагается разумным тестю и свёкру, крепко сдружились. Самоваров уже

не так ругал самовары, Чайников перестал столь пренебрежительно высказываться о чайниках. Они вместе выезжали на охоту, рыбалку, пили чай и уже далеко не чай. Как оказалось, даже между различными по природе своей водонагревательными системами может установиться атмосфера взаимопонимания и добрососедства.

Чайников погиб трагически: на него с верхней полки упал новенький монгольский самовар. У Самоварова через неделю после этого случая, горько поминая товарища Чайникова, взорвался чайник, конечно же, от накопившегося давления. Только он допил шестнадцатую чашку, как быстронесущийся носик попал ему прямо в сердце навылет. Похоронили их по соседству, были установлены соответствующие памятники.

Встретились Чайников и Самоваров на небесах, Бог их тоже перепутал – пил чай с Чайниковым из чайника и с Самоваровым из самовара; ну а потом пили, сидя на облаке втроём и уже не чай.

Путь Петрова

Жил в обычном российском городе совершенно обычный рабочий Петров. И висела у Петрова совершенно обычная фотография на совершенно обычной заводской стене почёта. Правда, висела она там всего два раза по полтора месяца. Полтора месяца – были рекордом Петрова по отсутствию запоев и периодических по этой же причине прогулов. Лично я убеждён, алкоголизм начинается с пары бутылок по вечерам на регулярной основе. Петров был убеждён в обратном…

Петров всячески отрицал свой алкоголизм и жене своей говорил: «Ася, если я пью, то пью только по важным государственным праздникам». Он даже купил себе календарь, в котором на каждый день находился свой достойный и высокоморальный повод к «окочуриванию», как выражался он сам. Так, важными государственными праздниками стали – День независимости Зимбабве, День Земли и даже, День сурка…

Нельзя сказать, что Петров был человеком безответственным или нехозяйственным. Полки в его доме висели годами, зарплата приходила домой в должном объёме, и тёща, Надежда Ивановна, смягчаясь, говорила: «Может, и пьёт, а кто из мужиков не пьёт? Зато, рукастый». В категорию мужиков у Надежды Ивановны попадали люди исключительно рабочих профессий. Таким образом, директор завода, его заместитель и старший бригадир находились в промежуточном

положении, а товарищи из заводской газеты и вовсе исключались из данной категории.

Петров, как и многие участники кухонных споров, был гражданином политически сознательным. Власть он ругал нещадно и при том неизменно поддерживал: «Воруют. А кто у нас в стране не ворует? Хоть бы и мы с заводской медью… вот если б только не такие тиски ежовых рукавиц. Но если б без них, то какой был порядок? А без жёсткого порядка обязательно наступает хаос. Хаос ведь вещь ужасная».

Петров любил читать… Читал он преимущественно старые советские энциклопедии и повести. Разгадывая кроссворд на последней странице еженедельной заводской газеты, он неизменно повторял: «А мы вот так, а эти наших, а мы ихних».

«Ихний» – было главным словом паразитом Петрова; ещё со времён младшей школы оно в каком-то смысле ему даже нравилось.

«Вот что это – короткое “их”, – пламенно вопрошал он. – Ничего ж не раскрывается, слово всего в три буквы. То ли дело “Ихний”!»

В общем, энциклопедии Петров любил и уважал, говоря: «Ума в них много». Повести же Петров проживал с особой сентиментальностью и сочувствием. Как-то раз он чуть не прослезился после прочтения «Трое в лодке, не считая собаки». Хотя предпочитал он всё-таки наших авторов: Шолохова, Зощенко, Беляева.

И в общем, этот самый обычный Петров, не особо отличавший щи от борща и котлеты от жареной говядины, решил как-то изменить свой социальный облик. Это произошло после прочтения сборника сказок Корнея Чуковского: он начал бриться три раза в неделю, чаще улыбаться и даже работать на своём рабочем месте…

Петрова хватило на две недели, по истечении которых он решительно напился и изрёк: «Как ни крути, а пить всё равно хочется». Соблазнили его фрезеровщики из соседнего цеха, которые после трёх литров пива предложили перевезти частно-государственную медь на Кипр. Спустя n-известное количество водки медь, скрученная в 10-килограммовую катушку, одним олимпийским броском миновала заводской забор. Сторожа, как полагается в высоком обществе, после обеда крепко спали дневным сном. Далее повествование становится вполне типичным: восторг, шалман, экстаз… гости в соседнем доме, полюбовные прощания, порицание в собственной прихожей и неизменное тяжёлое похмелье.

Петров предпринял ещё четыре таких попытки, ещё раз попав на доску почёта. Это был совершенно обычный российский Петров. Из совершенно обычного российского города.

Я слышал, в Японии жил один самурай…

Говорят, он удивительным образом смог отречься от всего мирского. И хотя всё это в целом и принадлежало к пути Буси, то есть пути воина, который был ему предопределён, он всё же смог постичь «дзен».

Эта история в своём начале была более чем тривиальна: он родился в семье средней руки самурая, в небольшом городе, в одной из провинций центральной Японии, немногим севернее Киото. У мальчика было самое заурядное детство: этикет, занятия в додзё[23] (естественно с катаной), и как у любого ребёнка, какие-то нехитрые детские игры. Став юношей, он возмужал, впервые посетил юдзё[24] и поступил на службу. Рассказывают, что именно тогда он впервые начал пресыщаться жизнью. Шли годы – годы замкнутых, изолированных тренировок, которые стали его первым пониманием медитации. В конце концов, став именитым благородным мужем к 26 годам, как и можно было ожидать, он прославился. Опустим незначительные детали его пути, но к 30 во всей Японии не было человека, который мог бы оспорить его

[23] Додзё – традиционный тренировочный зал японских боевых искусств.

[24] Юдзё – дословно «женщина для удовольствий» – собирательное название проституток и куртизанок, но не гейш, существовавших на протяжении всей японской истории.

мастерство владения мечом. Он был частым гостем высоких лиц, проводил время в компаниях гейш, посещал роскошные бани и чайные, в конце концов устав и от них.

Так и будучи непревзойдённым, что свойственно в таких случаях, он стал забываться. На его долю не выпало ни большой войны, ни великого подвига. Тогда юный мастер занялся внутренним самосовершенствованием. Будучи на службе, но с должной степенью дозволенности, самурай отправился на Хоккайдо, поселившись в небольшом имении, начал заниматься своим садом камней. К 35 его сад был известен по всей Японии. Многие люди приезжали и часами созерцали этот сад, наблюдали его с разных ракурсов и положений, но 15-й камень в этом, давно исчезнувшем саду так и не был найден. Затем он отправился на остров Хонсю, чтобы созерцать гору Фудзи. Получил благодаря своей славе небольшое имение – там он стал постигать искусство бонсай. Самурай растил своё дерево в стиле «Ёсэ-Уэ» – на небольшом пространстве имитируется лес. Многие паломники стали посещать вместе с горой Фудзи и его бонсай. Так как Япония известна большим количеством буддийских конфессий, монахи пытались вступить с ним в теологические споры, но он никогда с ними не заговаривал.

Бонсай месяц от месяца становился всё прекраснее. Казалось, что в нём действительно жил маленький лес – наполненный, живой, дышащий, – он даже распространял вокруг себя самый настоящий лесной запах. Особенностью этого

маленького леса, было то, что чем больше самурай уходил от мира, тем великолепнее становилось растение.

Сначала самурай отказался от рисового вина, постепенно его рацион оскудел, и вскоре даже все его разговоры свелись к трём фразам в день. Приближаясь к концу своего пути, он съедал всего одну скромную порцию риса в сутки, при этом раз от раза рис становился хуже, и пил только родниковую воду. Потом он совсем замолчал. Спустя полгода ранней весной он съел свою последнюю рисинку из риса самого низкого сорта, затем прошла неделя, которую он провёл, не отходя – возле своего «Ёсэ-Уэ».

Одним утром, встречая рассвет, в сумрачной тишине он созерцал Фудзи (бонсай обычно выращивают на улице). Облачившись в традиционные белые одежды, самурай исполнил обряд, завершающий путь воина – так гласит предание. Этот жест был прощанием с миром, который он уже давно покинул душой. Вся та кровь, что покидала его, окропляла прекрасный бонсай. К закату, когда солнце медленно начало опускаться за величественную вершину горы, он почувствовал близость конца. Испытывая просветление, взял заранее подготовленную кисть и листок рисовой бумаги, написал самое прекрасное, но уже утерянное хайку (потом оно ещё долго ходило по феодальной Японии). Как только солнце опустилось, выдохнул последний раз, и бонсай принял его.

Когда весть донеслась до императорского двора, император приказал привезти великолепный бонсай. Дерево боль-

ше не нуждалось: ни в воде – ему было достаточно влаги из воздуха; ни в каком-либо уходе – свежий лесной ветер окружал всё пространство, которое можно было видеть. Те, кто видел это растение, надолго лишались дара речи.

«Ёсэ-Уэ» стал сокровищем императорского двора (так как династия Сёва ни разу не прервалась, говорят, что и сейчас бонсай живёт в тайном императорском саду).

Услышав эту историю, я долго думал и пришёл к одному вопросу: «Можно ли остаться человеком, отрёкшись от всего мирского, или ты всё-таки неизбежно превращаешься в прекрасный бонсай?..» – наверное, на востоке не приходят к ответам.

Пересмешники

В небольшом номере недорогого трёхзвездочного отеля, расположенного в 15 минутах от центра Владивостока, опершись на балконную перегородку, стоял молодой мужчина. В правой руке он, периодически прерываясь, прокручивал пачку сигарет с каким-то нелепым японским оформлением: сверху в два слова название, и ниже, буквально занимая всё оставшееся пространство пачки, – витиеватые иероглифы. Мужчина улыбнулся, пробегая взглядом сияющую линию автострады, и закурил; машины неплотными растянутыми группками неслись куда-то по своим делам. Прохожие, уже не исчезавшие, а наполняющие улицы под вечер, давали наблюдателю почувствовать текущий здесь ритм жизни – его аритмичную, свойственную большинству крупных городов пульсацию. Изо рта, когда он уже выдохнул весь дым, иногда вырывалась тонкая, еле заметная струйка пара. Май в этом году выдался в меру свежим…

В дверь негромко в два удара постучали. Мужчина затушил почти было докуренную сигарету в бесхитростной пепельнице из банки, прикрыл балкон и быстрым шагом направился к двери. На нём был обычный чёрный классический костюм, пиджак от которого остался висеть в гардеробной, а галстук, напоминавший хорошо декорированную офисную удавку, небрежно перевешивался через кожаное кресло так,

что было видно только язычок.

Миновав пространство не очень большого номера, он быстро открыл дверь. Девушка… точнее, женщина, чей возраст непросто было бы угадать, стояла на пороге.

– Саша! – радостно пропищала с акцентом, который у неё никак не получалось побороть, и бросилась к нему на шею.

Он выдохнул, казалось, весь воздух, который находился в его лёгких, и вдыхал теперь только её уникальный запах, а она, смеясь и мотая сложенными вместе ногами, раскачивалась, повиснув на нём, как маленькая девочка.

Саша спокойно, вполовину громкости её смеха, произнёс:

– Окиро…

Окиро был 31 год, хотя её часто принимали за студентку. Она была одним из многочисленных торговых представителей японских компаний, которые достаточно часто приезжали сюда в командировки, в один из самых восточных городов страны 13-ти морей. С Сашей, который был на четыре года старше и всю жизнь прожил во Владивостоке, она познакомилась в августе позапрошлого года. Окиро тогда впервые приехала в Россию. После делового обеда и в разгар менее формального корпоративного ужина у них, поочерёдно терявшихся в друг друге, появилась возможность сбежать, и Саша утянул за собой несколько стеснённую Окиро. Они гуляли по вечернему городу и, пользуясь доступным для обоих английским языком, инстинктивно находили вещи, сближавшие их…

Окиро очень хотела стать матерью двух сыновей, но муж говорил, что они пока не могут обеспечить достойную жизнь и для одного ребёнка; у Саши были две реальные дочери. Тяготение, возникшее между ними, было плохо контролируемым. В следующий вечер Окиро во время звонка в Осаку ссылалась на большую занятость; Саша старательно объяснял жене, что вчера они выпили всего пару стопок в баре, находившемся в здании бывшего торгового дома «Централь», так как работали дольше запланированного на несколько часов, и поэтому начальство решило перенести корпоративный ужин на сегодня. Отели периодически менялись, пока они не нашли этот, достаточно удобный для обоих. Окиро приезжала примерно каждые три месяца на неделю. Супруги возлюбленных были искренне убеждены в том, что эти недели наполнены непрекращающимися совещаниями, встречами и трудно проходящими переговорами, усложнявшимися коренным различием менталитета.

Окиро опустила ноги на пол и крепко поцеловала Сашу. На ней были средней длины офисная юбка и нежная бежевая блузка жемчужного цвета.

Игривым голосом она спросила на таком же ломаном русском:

– Сна́чала по́ужинаем или…

Спустя час, только солнце начало опускаться за горизонт, они зашли в какой-то заурядный ресторан сетевой европейской кухни. Волосы Окиро немного выбивались из наскоро

пересобранной причёски. Это был один из тех ресторанов, которые спекулируют словом «Италия», в пределах логического ряда – «паста-вино-ризотто-тальятелле», сознательно игнорируя, что последнее из приведённых тоже является макаронным изделием.

Ситуация в сложившихся между ними отношениях была простой и понятной: требовать, чтобы он ушёл от жены, Окиро не пыталась, хотя Саша, вероятно бы, и не противился такому требованию; аналогично абстрактная попытка Окиро расстаться с мужем тоже не существовала в пределах реального мира. Она происходила из в меру известной японской семьи, из той консервативной среды Японии, в которой до сих пор не приняты разводы. Не менее большой проблемой было знание, а точнее, взаимное незнание языка друг друга. Да и русскому человеку фактически почти невозможно получить гражданство в Японии; для Окиро же побег в Россию также не мог сулить ничего хорошего. Замкнутые, в пределах четырёх недель в год, они принимали и даже примирились со своей судьбой. Саша очень понемногу начинал говорить на языке синтоистских монахов, Окиро сравнительно быстро осваивала русский.

– Как дома? – спрашивала она его, не обличая никакой неловкости в своём вопросе. Для неё это казалось чем-то естественным, Саша же всё чаще в этих случаях смущался, иногда на его широком лбу даже выступали еле заметные росинки пота.

– Да как? Хорошо, без происшествий, – какая-то назойливая мысль не давала ему покоя при этом вопросе. Неправильно составленная математическая задача, в которой он до сих пор пытался, но так и не мог найти правильный ответ – ответ, которого в пределах трёх аксиоматических измерений нашего мира быть не может.

– А у тебя? – на этом вопросе он всегда натягивал какую-то идиотскую улыбку, пытаясь придать ситуации лёгкость, и Окиро начинала подолгу рассказывать ему о своей жизни.

Они были одной из тех редких пар, где женщина много говорит, а мужчина умеет, а главное, хочет слушать. Мужчины всё-таки вдвое разговорчивее женщин, хоть бы и стереотипы говорили обратное. Саша слушал Окиро внимательно, подробно вникая в многочисленные детали, и периодически задавал уточняющие вопросы. Что странно, даже обсуждая семейную жизнь близкого человека, они не испытывали какой-либо ненависти или злости, не роптали на судьбу; Окиро, правда, пару раз плакала, Саша не находил, что бы он мог сделать, и просто сидел с ней рядом, этого на удивление оказывалось достаточно.

– Знаешь, – он заискивающе стиснул губы, – у меня есть для тебя маленькая новость.

Окиро легко поддалась только что зародившейся интриге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.